
Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы*

Часть I

© 2020 г. А.Н. Круглов

*Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет,
Москва, 125993, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.*

E-mail: akrouglov@mail.ru

Поступила 12.02.2020

С началом Великой Отечественной войны с новой остротой, но в других исторических условиях в Советском Союзе разгорелась старая дискуссия о Канте. На этот раз ее предметом явилась кантовская философия как составная часть так называемой немецкой классической философии, а также ее роль в становлении германского национал-социализма и его агрессивной внешней политики. Для понимания истоков этих споров автор первоначально обращается к дискуссии о Канте как олицетворении германского милитаризма во время Первой мировой войны, возникшей под влиянием доклада В.Ф. Эрн «От Канта к Круппу», в которой русские марксисты участия практически не приняли. Взгляд на Канта и его философию у русских марксистов автор исследует, обращаясь к истории первых публикаций кантовских сочинений («Пролегоменов» и докритических произведений) в период после Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны. Детали споров о Канте во время Великой Отечественной войны анализируются на примере двух главных событий: публикации брошюры В.Ф. Асмуса «Фашистская фальсификация классической немецкой философии» (1942 г.) и отмены в 1944 г. Сталинской премии, ранее присужденной за третий том «Истории философии» (1943 г.). В завершение автор оценивает итоги этого спора военного времени с современной перспективы, учитывающей нынешнее знание о национал-социализме и вовлеченности немецких философов-кантоведов в нацистское движение, а также послевоенных столкновений по поводу ответственности кантовской философии за события Второй мировой войны.

Ключевые слова: И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, марксизм, фашизм, национал-социализм, Великая Отечественная война, категорический императив, В.Ф. Эрн, В.Ф. Асмус.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-192-209

Цитирование: *Круглов А.Н.* Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть I // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 192–209.

* Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929, «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах» на базе БФУ им. И. Канта (лаборатория «Кантианская рациональность»).

Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The look 75 years after the Victory* Part I

© 2020 Alexei N. Krouglov

*Russian State University for the Humanities, Faculty of Philosophy,
6, Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.*

E-mail: akrouglov@mail.ru

Received 12.02.2020

With the outbreak of the Great Patriotic War, in the Soviet Union, an old discussion about Kant began again under the new conditions. This time, its issue was Kant's philosophy that was a part of the so-called Classical German Philosophy and the role of this philosophy in the formation of German National Socialism with its aggressive foreign policy. To understand the origin of the dispute, I initially turn to the debates on Kant as the face of German militarism during the First World War. They were initiated with V.F. Ern's paper "From Kant to Krupp" and almost ignored by Russian Marxists. The Marxist view of Kant is investigated by the reference to the history of Kant's treatises ("Prolegomena" and pre-critical works) first publications after the October revolution of 1917 till the beginning of the Great Patriotic War. Details of the dispute over Kant during the Great Patriotic War are analyzed through the lens of two significant events, namely the publication of V.F. Asmus's paper "Fascist Falsification of Classical German Philosophy" (1942) and the cancellation of the Stalin award for the third volume of "The history of philosophy" (1943) in 1944. In conclusion, I evaluate the results of this war-time discussion from the contemporary perspective that considers the modern understanding of both National Socialism and the involvement of German Kant Scholars into the Nazi movement. The perspective also takes into account post-war debates on Kant's philosophy responsibility for unfortunate events of the Second World War.

Keywords: I. Kant, G.W.F. Hegel, Marxism, fascism, National Socialism, the Great Patriotic War, categorical imperative, V.F. Ern, V.F. Asmus.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-192-209

Citation: Krouglov, Alexei N. (2020) "Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The look 75 years after the Victory. Part I", *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 192-209.

С первых же лет распространения в России кантовская философия оказалась влечена во многие политические и исторические события, неся на себе все следы существенной вовлеченности в общественную и политическую жизнь страны. Страна менялась – на смену Российской империи пришел Советский Союз, а его сменила Российская Федерация, – но при этом не менялась политическая взрывоопасность кантовской философии. Более того, отношение к Канту можно, пожалуй, рассматривать в качестве некоего индикатора актуального политического состояния страны. Уже первый

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 075-15-2019-1929, "Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions" provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad (Kantian Rationality Lab & Academia Kantiana).

кантианец в России, профессор И.В.Л. Мельман, в конце XVIII в. был выслан из страны при непосредственном участии Екатерины II. В течение нескольких десятилетий начала XIX в. – фактически за время царствования Александра I – Кант неожиданно превратился в России из опоры государства и права в подрывателя устоев религии, церкви, государства и семьи. Не остался для русского кантианства бесследным и запрет на преподавание философии в России в середине XIX века. Еще с 1840-х гг. в России стал упоминаться тезис, что германская философия и, в частности, кантовская «невозможна у нас, по противоречию ее нашей народной жизни, религиозной, гражданской и умственной» [Давыдов 1841, 400]. А в XX в. дискуссии стали еще острее и радикальнее, что особенно ярко проявилось во время Первой мировой и Великой Отечественной войны. Однако отголоски этих споров середины XX в. слышны и в России XXI в. – в частности, во вспыхивающей временами полемике о том, достоин ли университет в Калининграде носить имя немецкого философа Канта и не свидетельствует ли это о ползучей германизации калининградского региона. При этом многие выпады в адрес кантовской философии возвращаются в некоем дурном круге. Не в последнюю очередь это связано с тем, что многие острые фазы дискуссий о Канте заканчивались или сами собой, или административным вмешательством, но без ясного осознания произошедшего и критической оценки их итогов. 75 лет, прошедшие со дня Победы в Великой Отечественной войне, составляют достаточный срок для того, чтобы попробовать детально разобраться в том, как именно протекал спор о кантовской философии в самый разгар этой страшной войны, и почему он происходил именно так, а не иначе. Недавний же скандал с переименованием аэропорта Храброво под Калининградом показывает, что спор этот и сегодня закончился не для всех. Но для того чтобы лучше понять развитие дискуссий во время Великой Отечественной войны, необходимо начать еще с обвинений Канта в германском милитаризме во время Первой мировой войны¹.

I. Кант и германский милитаризм: Первая мировая война

Связывать кантовскую философию с некоей воинственностью, прусским милитаризмом, опирающимся на бездушную механистичность, в России начали задолго до Первой мировой войны, причем как в философских, так и в литературных кругах. Более того, трудно даже установить причинно-следственную связь и определить, кто, когда и на кого оказал некое влияние.

Насколько я могу реконструировать, первый импульс, пусть и в ироническом смысле, все же последовал от русской поэзии. Под впечатлением франко-прусской войны 1870–1871 гг. В.П. Буренин (1841–1926) написал стихотворение «Голос патриота», в котором подчеркнул: «Возри на Пруссию: не Канты, / Не Гегели, на целый мир / Ее прославили, но канты, / Погоны, выпушки, мундир» [Буренин 1897, 216]. Поэт при этом добавил, что народы велики выдающимися победами на поле брани, полководцами и «солдат несметными полками», а никак не философами. Кроме того, безвкусная рифма «Кант – кант», на которой паразитировали многие русские поэты, имеет здесь смысл противопоставления философа не просто какому-то канту – гимназическому, железнодорожному или иному на некоей униформе, – а совершенно однозначно канту на военной форме.

Известный переводчик Канта на русский язык Н.М. Соколов (1860–1908) в 1904 г., говоря о претензиях европейцев на отыскание единственно правильной культуры, требующей своего распространения на все народы, влагал им в уста следующие сентенции: «Вы хотите идти своим путем, без Бедекера в руках? Вы заблуждаетесь. Маркс и Энгельс докажут вам, что вы ошибаетесь. Вы и им не верите? Ну, тогда вас заставят поверить этому Крупп и Маузер... Это у нас тоже “пророки культуры”, – пожалуй, по-красноречивее Маркса и его сподвижников» [Соколов 1904, 8]². Одним из олицетворений этой культуры Соколов считал концентрационные лагеря – вероятно, имея в виду английские концлагеря во время англо-бурской войны 1899–1902 гг., в которых, с его

точки зрения, наглядно проявляются западноевропейская «практичность, деловитость и искусство выбирать для определенной цели определенные средства» [Соколов 1904, 8]. Противостоять же этой экспансии западноевропейской философии и западноевропейских образцов можно, по мысли Соколова, «только при отлично организованной армии и при самой блестящей организации артиллерийского дела» [Там же, 40]. Правда, под этими экспансионистскими образцами Соколов совсем не имел в виду Канта и его критическую философию: «Кант, конечно, мыслитель и учитель не только для немцев. Он для всех европейских племен и народов» [Там же, 91]. Однако у Соколова проскальзывали все же и иные нотки: «Объектом его критики был “чистый разум” в той его форме, в которой наиболее отчетливо и ярко он воплотился в арийской семье народов. Как ножом он отрезал мечты о всемогуществе разума, о “новой породе людей”, о которой мечтали Бецкий и Екатерина, о “перерождении” человечества, о котором мечтают фельетонисты и публицисты наших дней» [Там же, 91–92]. Тем не менее в момент складывания Антанты и ее противостояния Тройственному союзу Соколову были безразличны политические границы различных блоков, ибо представителей обоих блоков он относил к адептам западноевропейской культуры, агрессивно настроенной по отношению к России.

Несколько иная позиция была выражена еще раньше, в 1898 г., священником Г.С. Петровым (1866–1925) в его самом знаменитом произведении «Евангелие как основа жизни», поскольку он противопоставлял немецкую философию немецкой же внешней политике: «Еще недавно [...] мы слышали, как царственный представитель нации Канта и Гегеля посылал брата к язычникам защищать Евангелие с кулаком, одетым в броню. Иисус Христос, отправляя учеников на проповеди, говорил: “Я посылаю вас, как овец среди волков; будьте просты, как голуби” (Матф., 10 гл., 16 ст.). В современной же своеобразной апостольской миссии овцы заменены броненосцами, а голуби изделием Круппа» [Петров 1898, 97].

Но уже довольно быстро Круппа стали не противопоставлять Канту, а связывать с его философией, причем не без участия русских поэтов. В 1906 г., после смерти Ф.А. Круппа, сына и продолжателя дела «пушечного короля» А. Круппа, при посредничестве кайзера Вильгельма II состоялась свадьба наследницы состояния семьи немецких промышленников, Б. Крупп, с прусским дипломатом Г. фон Болен-унд-Хальбахом. Год спустя в Берлине состоялись выборы, под впечатлением которых Саша Черный (1880–1932) написал стихотворение «Исторический день» (1907–1910): «Император на балконе / Им прочел стихи из Клейста / В театрально-пышном тоне. / (Не цитировал лишь Канта, / Как на свадьбе дочки Круппа, – / Потому что Кант народом / Понимался очень тупо.)» [Черный 1996, 130]. Сопоставление Канта и Круппа, а также упоминание философа на одном дыхании со стихами Клейста патриотического периода здесь еще выглядит полуслучайной рифмой, однако вскоре обретет зловещий смысл.

В «Воззвании» 1908 г., задолго до начала Первой мировой войны, В.В. Хлебников (1885–1922) писал: «Или мы не поймем происходящего, как возгорающейся борьбы между всем германством и всем славянством? Или мы не отзовемся на вызов, брошенный германским миром славянству? [...] Уста наши полны мести, месть капает с удила коней, понесем же, как красный товар, свой праздник мести туда, где на него есть спрос, – на берега Шпрее. Русские кони умеют попирать копытами улицы Берлина. Мы это не забыли, мы не разучились быть русскими. В русских подданных значится (кенигсбергский) обыватель Эммануил Кант...» [Хлебников 2005, 197]³. Но если у Хлебникова Кант оказывался всего лишь одним из важных олицетворений германства, в свое время исторически проигравшего славянству на поле битвы, то еще раньше в набросках Н.Ф. Федорова (1829–1903) именно в самой кантовской философии стали усматриваться движущие силы немецкого милитаризма, а в ее влиянии в России – пути на пути дальнейшего духовного развития страны. Написанные, вероятно, еще в конце XIX в., эти статьи Федорова впервые были опубликованы в сборнике 1913 г. Русский мыслитель утверждал: «Гнет кантовой критики тяготее над нами. [...] Освободится ли Запад от ига “критики” Канта?» [Федоров 1982а, 535–536]. Кенигсбергский философ,

«сделавший любимым своим занятием постановку всему препон, свободный мыслитель, пожелавший стать тюремщиком» [Федоров 1982б, 539], вызвал у Федорова недоумение. Но если в «Иге Канта» он еще видел гнет критической философии как над Россией, так и над Западом, то уже в «Разоружении» он высказал иную мысль, противопоставляя Россию коллективному Западу. От того, чем закончится борьба с Кантом, зависят, с точки зрения Федорова, будущие судьбы мира и разоружения: «Царь философов Кант, а также и Конт будут развенчаны, и Россия освободится от всякого чуждого влияния... Без этой же умственной, нравственной победы едва ли будет успешна и материальная борьба России с Германиею ли то или же Англиею, Япониею, а, может быть, и со всеми ними вместе, если только борьба эта не будет предупреждена обращением военного дела в исследование, в регулирование силами природы» [Федоров 1995, 275].

Но хотя Федоров и объявлял кантизм сущностью германизма, все же сам Кант у него еще напрямую с Круппом не связывался. Однако уже в 1914 г., причем еще до начала Первой мировой войны, связь эта станет устойчивой. В ее преддверии И.С. Продан (1854–1920) в памфлете «Правда о Канте. (Тайна его успеха)» заявил: «Под громы крупповских пушек, под впечатлением небывалых немецких триумфов, Герман Коген писал свое исследование “Кантова теория опыта”, в котором доказывает новое “великое открытие” Канта» [Продан 1914, 81]. Дурную моду ссылаться на грохот пушек ввел в философию еще Гегель⁴. В итоге подобного рассмотрения Продан пришел к следующему выводу: «...популярность Канта создана блестящими успехами прусского оружия, национальным самообожанием и рекламой немцев» [Там же, 84], а также тем, что он «с благословения немецкого императора, наконец возведен в сонм немецких полубогов вместе с композитором Вагнером» [Там же, 5]. В свете будущих политических и исторических событий весьма примечательно, в паре с каким именно композитором называл Продан Канта.

Учитывая эту предысторию, вряд ли приходится удивляться скандальному докладу В.Ф. Эрн (1882–1917) «От Канта к Круппу» [Эрн 1914] в октябре 1914 г., развившему уже после начала боевых действий некоторые идеи, витавшие в воздухе в России и до Первой мировой войны, и придавшему им такую чеканную формулировку. Эрн рассматривал Канта в качестве «величайшей вехи в манифестации германского духа» [Эрн 1991а, 308], а восстание германизма «как военного захвата всего мира, как насильственной мировой гегемонии» [Там же, 310] считал уже предрешенным кантовской аналитикой «Критики чистого разума», обосновавшей абсолютную феноменальность как внешнего, так и внутреннего опыта и порвавшей с живительными онтологическими корнями. Опираясь на это, Эрн сформулировал следующий тезис: «...внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа» [Там же, 309]. Разъясняя этот тезис, он далее подчеркнул: «Если немецкий милитаризм есть натуральное детище Кантова феноменализма, коллективно осуществляемого в плане истории целую расою, то орудия Круппа – суть самое вдохновенное, самое национальное и самое кровное детище немецкого милитаризма. Генеалогически орудия Круппа являются, таким образом, детищем детища, т. е. внуками философии Канта» [Там же, 313]. Если бы Эрн и вправду искал некие философские подтверждения для самого хода собственных измышлений, он бы их легко мог найти все в той же немецкой философии, но, разумеется, не у Канта. Мысль о влиянии философии и духа на штыки и пушки в гораздо более изящной форме была выражена еще в афоризмах Йенского периода все тем же Гегелем: «Философия управляет представлениями, а они управляют миром. Дух господствует над миром при помощи сознания. Это его инструмент, а потом уже штыки, пушки и мускулы. Знамя и душа полководца – дух. Главенствуют не штыки и не золото, не интриги и хитрости. Они существуют подобно шестеренкам в часовом механизме, но его душа – дух, подчиняющий время и материю своему закону» [Гегель 1971а, 554].

В любом случае с 1914 г. Кант и Крупп надолго стали в русской культуре прочно связаны между собой, причем многочисленные оппоненты Эрн несмотря на критику

невольно лишь укрепляли данную связь. Чуть позже, в 1915 г. работы на подобную же тему появились и в странах Антанты, в частности – сочинение Л. Доде (1867–1942) под названием «Против германского духа от Канта до Круппа» [Daudet 1915]. Показательно, что Эрн и его сторонники в России в них вовсе не упоминаются – какие-то дискуссии в России французских авторов того времени, боровшихся с немецкой мыслью, не интересовали [Vois 1916]. Но даже и те русские философы, кто, подобно Н.А. Бердяеву (1874–1948), протестовал против расправы над Кантом на фоне «уличного шума базарных страстей» [Бердяев 2004, 73], все же развивали свои высказанные еще до войны взгляды на Канта («Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант. [...] Полицейская философия роковым образом разрывает с корнями жизни, как и полицейское государство; полицейская философия неизбежно лишена реализма и превращает бытие в призрак» [Бердяев 1989, 19–20]) во время войны таким образом: «Кант построил духовные казармы. Современные немцы предпочитают строить казармы материальные. Немецкая гносеология есть такая же муштровка, как и немецкий империализм. Немец чувствует себя свободным лишь в казарме. На вольном воздухе он ощущает давление хаотической необходимости. В понимании свободы мы никогда с немцами не сговоримся» [Бердяев 1990, 149].

Это противопоставление немецкости и русскости, хоть и без ссылок на Круппа, дополненное мотивом «освобождения» от германского и, в частности, кантовского засилья в России, нашло свое наиболее удивительное воплощение в посмертном произведении прапорщика Ф. Воротынкина «Элементы чистого разума (Критика КАНТ'овской логики). К вопросу об освобождении русской мысли от немецко-мозгового засилья. Опыт концентрирования человеческой мысли в обстановке, близкой к жизни первобытного человека. Письма из окопов» [Воротынкин 1917]. Не осталась в стороне и русская поэзия. В.В. Маяковский (1893–1930) откликнулся на «Воззвание» Хлебникова, поразившись его прозорливости [Маяковский 1955б, 318–320], стихотворением «Война и мир» (1915–1916) с воинственными призывами: «Германия! / Мысли, / музеи, / книги, / каньте в разверстые жерла. / Зевы зарев, / оскальтесь нагло! / Бурши, / скачите верхом на Канте! / Нож в зубы! / Шашки наголо!» [Маяковский 1955а, 218–219].

И все же наиболее яркие иллюстрации к тезисам Эрна появились в России не в собственно философских или публицистических произведениях, а в литературных, а также в лекционных курсах по истории философии. Часть из них была пронизательно подмечена еще О.В. Цехновицером (1899–1941) [Цехновицер 1938, 180–181]. Так, Л.Н. Андреев (1871–1919) в пьесе «Король, закон и свобода» (1914 г.) вкладывал в уста младшего немецкого офицера такие слова о его командующем: «Это немецкая философская голова, орудующая с пушками, как Лейбниц с идеями. Все разгадано, все предусмотрено, движение наших миллионов приведено в столь стройную систему, что ею возгордился бы Кант! Нас ведет вперед, господа, несокрушимая логика и железная воля. Мы неумолимы, как судьба!» [Андреев 1995а, 167]. Все тот же Андреев излагал мысли немецкого кайзера в рассказе «Ночной разговор» (1915 г.) таким образом, что они оказывались отталкивающим изображением реализации феноменилистического и механистического духа кантовской философии: «Вы слышали о моих моторных плугах, роющих могилы? Глупцы смеются над ними и ужасаются; им нужен традиционный шекспировский могильщик, который непременно руками рыл бы яму – и болтал глупости в это время, бездельник! Все это дешевый романтизм, сентиментальность старой глупой Европы, блудливой ханжи, выжившей из ума от старости и распутства. Я положу ей конец» [Андреев 1995б, 58]. Столь же образную иллюстрацию механистичности Канта и его философии в духе Эрна создал в лекциях, прочитанных в Московской духовной академии еще в 1910 г., и его близкий друг П.А. Флоренский (1882–1937), приписывавший кенигсбергскому философу «господственность над миром» [Флоренский 2007, 40]: «...несомненно *непосредственное* впечатление от его [Канта] сочинений, от его личности: это возникающее ощущение призрачности всего бытия, всей жизни, всего» [Там же, 37], «впечатление холодной, механической неумолимости производит и Кант, медленно, но неуклонно поворачивающий свой сложный механизм

для борьбы с Церковью»; «царственный Мозг Европы представлял собой и Кант. Жуткость эта увеличивается от того, что влияние Канта, как цепкие, холодные щупальцы, простирается и до нас, заползает и в нашу душу» [Там же, 35]; «И сейчас его костлявая рука ворует сердца, чтобы убить их. И сейчас его холодная речь замораживает все живое»; «Он запускает скальпель в нашу душу и ковыряет самые чувствительные нервы нашего существа» [Андреев 1995б, 36].

Сторонники тезиса «От Канта к Круппу» находили дополнительные аргументы в свою пользу в действии ряда немецких университетов во время войны. Сам Эрн подчеркнул: «Через две недели после произнесения речи “От Канта к Круппу” телеграф принес известие, что *философский* факультет Боннского университета избрал докторами *honoris causa* *Круппа* и директора *крупповских* заводов Аусенберга» [Эрн 1991б, 320]. Утверждение Эрна и в самом деле находит документальное подтверждение, хотя и с небольшим исправлением: наряду с Г. Круппом и фон Болен-унд-Хальбахом почетным доктором философского факультета Боннского университета в 1914 г. был избран профессор Ф. Раусенбергер, военный конструктор и управляющий на заводах Круппа, один из создателей мортиры «Большая Берта» [Ernennung 1914]. А еще чуть ранее, в сентябре 1914 г. [Tilitzki 2012, 408], отметилась и *alma mater* Канта, наградившая дипломом почетного доктора философии фельдмаршала П. фон Гинденбурга: «Вы – воплотили в себе верховный нравственный закон, писали простершиеся в прах профессора, приобщая бравого генерала к духовному ордену Канта» [Мартов 1917, 6]. Свидетельство Ю.О. Мартова (1873–1923) также находит несколько документальных подтверждений. И хотя сам диплом, похоже, не сохранился⁵, его текст известен из публикаций времен Первой мировой войны. Все четыре факультета Альбертины единогласно проголосовали за присуждение Гинденбургу звания почетного доктора после битвы при Танненберге, завершившейся катастрофическим разгромом русских войск: «Высокому вождю восьмой немецкой армии, который полностью сокрушил и уничтожил орды москвитов и тем самым защитил и спас свою родину – Восточную Пруссию и немецкую культуру от варварских врагов – бессмертному украшению своего Отечества!»⁶ Кроме того, звания почетного доктора, но уже только от философского факультета университета Кенигсберга, удостоился и начальник генштаба армии Гинденбурга, Э. Людендорф [Fischer-Graudenz 1915, 102].

И все же и после Октябрьской революции 1917 г., и вскоре после окончания Первой мировой войны само сравнение Канта с Круппом в России если и упоминалось, то все больше в пародийном стиле. Хорошим примером в этом отношении могут служить воспоминания Андрея Белого (1880–1934): «Кантианцы торжественно выходили в бой в тяжелейших доспехах, стреляя из крупповых пушек; но вот: их снаряды, смертельные, – не попадали; от кантианцев – вывертывался; Шпеттова же рапира пронзала мой “фрак”...» [Белый 1923, 79]. Сходные примеры имеются и в литературных работах⁷ – в частности, в «Жизнеописании Степана Александровича Лососинова» (1928 г.) С.С. Заяицкого (1893–1930): «Ха, ха, ха! Я узнаю вас, господ империалисты. От Канта к Круппу это уже старо. Теперь от Бёркли к Френчу...» [Заяицкий 1928, 77]. В качестве «пародии на газетные статьи того времени» [Друскин 2000, 391] затрагивал события начала Первой мировой войны в разговоре «Один человек и война» (1936–1937) и А.И. Введенский (1904–1941): «Немцы грабят русскую землю. / Я лежу / И грабежу / Внемлю. / Немцам позор, Канту стыд. / За нас / Каждый гренадер отомстит» [Введенский 1993, 209].

В обвинениях в адрес Канта накануне и во время Первой мировой войны, несмотря на их незначительные различия, можно выделить несколько характерных черт. Во-первых, целью был выбран персонально Кант, а не Гегель, Фихте или иной немецкий философ и не немецкая философия как таковая. Это объясняется в том числе широким распространением и даже доминированием неокантианства в тогдашней немецкой философии, и борьба с ним велась также и путем обвинений «патрона» этого течения. Кант и кантизм при этом объявлялись сущностью германства, с которым с позиций славянофильства велась идейная борьба. Французская или английская мысль при этом

практически полностью исключались и не рассматривались. Свои далеко идущие утверждения российские борцы с Кантом «дедучивали» из пары сконструированных ими и приписываемых кенигсбергскому философу положений, как то полный отрыв критической философии от подлинной онтологической основы и ее тотальный феноменализм. Ограничиваясь превратно толкуемыми высказываниями из «Критики чистого разума», отбрасывая практически полностью кантовскую практическую философию как нечто неадекватное и чуждое той основе его критической философии, как они ее понимали, сторонники тезиса «От Канта к Круппу» полностью игнорировали и знаменитый кантовский трактат «К вечному миру», который, кстати, еще в 1905 г. был переведен на русский язык [Кант 1905]. Но даже если на этот трактат им и было бы указано – что, впрочем, и делали некоторые оппоненты Эрна [Рубинштейн 1915, 5], – то и в этом случае в качестве контраргумента было бы заявлено, что это некий исторически случайный, нелегитимный, не вытекающий из «Критики чистого разума» трактат, из которого, напротив, неумолимо и неизбежно вытекают пушки Круппа.

С этой точки зрения сторонникам Эрна были совершенно неинтересны и параллели, которые в конце XIX – начале XX вв. проводили между некоторыми забытыми ныне внешнеполитическими инициативами в самом начале правления Николая II и идеями кантовской философии – преимущественно в сочинении «К вечному миру». Главная из этих инициатив – это российский меморандум 1898 г. о необходимости созыва международной конференции по вопросам сохранения мира и сам созыв 1-й мирной конференции в Гааге 1899 г. Венгерский философ Л. Штайн (1859–1930) в журнале «Die Zukunft» в 1898 г. подчеркнул, что царский манифест придал новое значение проекту Канта «К вечному миру». По мысли Штайна, «царь на троне» тем самым протягивает братскую руку «царю на кафедре», а мечта Канта превращается в идеал Николая II. Он отмечал и иные необычные совпадения между текстом манифеста и кантовским трактатом [Stein 1898, 106–112]. Журнал «Kant-Studien», главным образом, в лице редактора Х. Файхингера (1852–1933) откликнулся на это рядом заметок – в частности, сообщением под названием «Сочинение Канта “К вечному миру” и русское предложение о разоружении» [Anonym 1899, 256–258; Vaihinger 1900, 60]. Не обошла вниманием мирную конференцию в контексте философского проекта Канта и русская богословско-философская печать в лице П.В. Тихомирова (1868–1937), прямо связавшего свою публикацию о «Вечном мире» с международной мирной конференцией [Тихомиров 1899]. Однако к началу Первой мировой войны дело для значительного числа русских мыслителей вдруг обстояло так, как если бы такого кантовского трактата, как «К вечному миру», никогда и не существовало.

Фиксация на германстве вела также к тому, что сторонники тезиса Эрна не могли увидеть нелепость своих утверждений путем сопоставления с философским и техническим развитием в иных западноевропейских странах. Цехновицер в этой связи подчеркивал, что исходя из тезиса Эрна «не представляет трудности, например, для того, чтобы провести прямую линию хотя бы от Бентама к дредноуту и доказывать, что вся английская культура проникнута идеей утилитаризма, милитаризма, империализма и пр., и пр.» [Цехновицер 1938, 181]. Кстати, именно по этому пути и пошел уже в 1914 г. В. Вундт, противопоставляя былых великих английских философов (Бэкона, Локка, Шэфтсбери, Беркли и Юма), к которым в Германии испытывают пиетет, И. Бентаму, проповедь утилитаризма которого привела в конечном счете к «гнуснейшему и безжалостному эгоизму», с которым Англия обходится со своими колониями, а теперь задумала поступить и с Германией [Wundt 1914/1915, 127–128]. И если обвинения немцев в варварстве со стороны А. Бергсона, «которого в Германии никто не принимает за серьезного философа», еще презрительно и упоминаются Вундтом⁸, то мнение «деспотической» и «варварской» – несмотря на ее великих поэтов – России [Ibid., 122–123] его вообще не интересует. Хорошие пушки, как подчеркивал Цехновицер, производили не только немцы, но и французы, а потому «при некоторой казуистической сноровке открывался последовательный путь от картезианской философии к пушкам Крезю и выводы на тему – “От Декарта к Крезю”» [Цехновицер 1938, 181]. И хотя Цехновицер

допустил одну фактическую неточность – Крезо это город в Бургундии, в котором производились пушки на предприятии Ж. Э. Шнедера, но замена Крезо на Шнедера носит всего лишь косметический характер.

Важной особенностью всех этих споров являлось то обстоятельство, что ни сторонникам, ни противникам тезиса «От Канта к Круппу» не грозили административные преследования, и сама эта дискуссия хоть и в угаре войны, но все же проходила довольно свободно. Однако с точки зрения последующих споров о Канте уже в ходе Великой Отечественной войны важно понять, каково было отношение к дискуссии вокруг Эрна русских марксистов. Насколько я могу об этом судить, никого из значимых фигур вне зависимости от имевшихся тогда направлений и течений внутри русского марксизма эта проблематика вообще не заинтересовала. Дискуссия в связи с Кантом велась совсем о других проблемах и вопросах [Krouglov 2018a, 249–261]. Если говорить уже о самой Первой мировой войне, то камнем преткновения стала статья Г.В. Плеханова (1856–1918) «Еще раз о войне» [Плеханов 1914; Плеханов 1925], в которой он – убежденный противник кантовской философии, включая и кантовскую этику – сослался на категорический императив Канта для решения проблем войны и достижения мира. Самым решительным образом против подобного обращения к Канту как предательства классовых интересов протестовал Мартов [Мартов 1917; Мартов 1925]. В свою очередь, Плеханова поддержала Л.И. Аксельрод (Ортодокс) (1868–1946), и именно в ее статье 1916 г. и встречается единственная известная мне рецензия в марксистской литературе того времени пушек Круппа: «... Вот уже более четверти века, как буржуазные идеологи вспомнили и с огромной энергией начали проповедовать категорический императив. “Критика практического разума” стала в их руках чем-то вроде крупповского дальнобойного орудия, которое ими направлялось против массовых движений, угрожающих господству буржуазии» [Аксельрод 1925, 224]. У А.М. Деборина (1881–1963), выступившего с критикой Плеханова и Аксельрод в применении категорического императива к вопросам международных отношений, вышла рецензия на сочинение Эрна «Борьба за Логос» [Деборин 1911], однако в его работах тема «Кант и Крупп», насколько мне известно, отсутствует. По всей видимости, главной причиной полного равнодушия русских марксистов к спорам вокруг Канта и Круппа явилось то, что с позиций интернационализма и классовой борьбы полемика некоего неославянофильства с германством была совершенно неактуальной и надуманной. Единственную, хотя и достаточно внешнюю, параллель с утверждениями механистичного и технического характера кантовской философии, присутствовавшими у сторонников Эрна, с тогдашними размышлениями марксистов можно обнаружить, на мой взгляд, в сочинении В.М. Шулятикова (1872–1912) «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (От Декарта до Э. Маха)» [Шулятиков 1908], пытавшегося изобразить Канта представителем некоей мануфактурной философии, а схематическое построение «Критики чистого разума» объяснить внутренним устройством и порядком функционирования мануфактурного производства.

II. Предвоенные издания Канта в СССР

После Октябрьской революции 1917 г. и образования СССР философия Канта первоначально не занимала какого-то особого места, а дискуссии о ней в 1920-х гг., за исключением нескольких примеров новой полемики, самым ярким из которых явился спор И.А. Боричевского (1886–1941) с Дебориным относительно «идеалистической легенды о Канте» [Боричевский 1923; Деборин 1924], все же преимущественно являлись отголосками еще тех споров о возможности или невозможности марксистам опираться на категорический императив Канта, которые возникли в марксистской среде в годы Первой мировой войны, но продолжались и после смерти Плеханова и Мартова уже в Советском Союзе⁹. Главными участниками здесь были Деборин и Аксельрод [Деборин 1925a, 435; Деборин 1961, 331–332; Аксельрод 2013a, 199–203; Аксельрод 2013b, 72–74, 84–85], и исход этого спора выглядел так же, как и исход спора диалектиков с механистами.

Ситуация стала меняться уже к середине 1930-х гг. Определенным симптомом выступает здесь замысловатая история первых в Советском Союзе публикаций сочинений Канта. На фоне начатой в 1929 г. Институтом Маркса и Энгельса публикации многотомного собрания сочинений Гегеля отсутствие новых изданий работ Канта на русском языке стало особенно заметно. Если не брать во внимание отрывки из ряда произведений кенигсбергского философа, опубликованные во втором томе хрестоматии 1925 г. «Книга для чтения по истории философии» Деборина, иных публикаций сочинений Канта после революции 1917 г. вплоть до 1930-х гг. не предпринималось. Деборин, будучи на тот момент одним из наиболее значимых представителей диалектического материализма и лидером так называемых диалектиков, отталкивался от статьи В.И. Ленина (1870–1924) в журнале «Просвещение» 1913 г. «Три источника и три составных части марксизма». В ней, пусть и без прямого упоминания имени Канта, был провозглашен тезис, согласно которому учение Маркса есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [Ленин 1973, 43]. Во многом Ленин здесь парафразировал слова Энгельса из его предисловия к работе «Развитие социализма от утопии к науке»: «...Мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» [Engels 1973, 188; Энгельс 1961, 323]. Деборин подчеркнул, что публикует в томе отрывки из сочинений философов, «подготовивших элементы для выработки мировоззрения диалектического материализма» [Деборин 1925б, 3], а «главный результат немецкого идеализма составляет диалектика» [Деборин 1925в, 646]. И хотя «этика Канта, абстрагирующаяся от классового строения общества, способна быть лишь обоснованием либерализма», а Кант в целом «не возвысился до стройного диалектического мировоззрения» [Там же, 646], заслуги его в становлении единственно правильного философского учения, согласно Деборину, несомненны.

В 1933 г. в журнале «Под знаменем марксизма» в статье Б.Ю. Сливкера (1891–1959) под названием «“Докритический” Кант», явившейся результатом работы семинара ИКП, было анонсировано, что кантовские докритические сочинения «сейчас готовятся к печати Институтом философии Коммунистической академии» [Сливкер 1933, 180]. Однако прежде чем через долгие семь лет появился один из томов этих докритических сочинений, в Советском Союзе поначалу с большим успехом были изданы в 1934 г. кантовские «Пролегомены ко всякой будущей метафизике». Побывавший в Москве в конце 1936 – начале 1937 г. писатель Л. Фейхтвангер (1884–1958) отмечал: «Новое издание сочинений Канта, выпущенное тиражом в 100 000 экземпляров, было немедленно расхватано» [Фейхтвангер 1937]¹⁰. Фейхтвангер сильно завысил тираж: в действительности было напечатано только 12 тысяч экземпляров.

Хорошо оформленное издание, выпущенное в серии «Классики философии», помимо солидного научного аппарата содержало обширную вступительную статью, составляющую практически треть всей книги. Ее автором был ученый секретарь Института Философии АН СССР А.Х. Сараджев (1898–1937). В статье под названием «О “критическом” методе Канта» он исключительно кратко, словно вскользь представил некоторые положения публикуемого произведения. Главное же внимание он уделил реакционной сущности кантианства и его роли в современной политической борьбе. Сараджев, в 1930 г. успевший поучаствовать с критикой за «антисоветские настроения» и «антимарксистско-поповские идеи» в кампании против уже арестованного к тому моменту А.Ф. Лосева (1893–1988), на первых же страницах заявил: «...Нет такой формы современной буржуазной философии, отличающейся вообще своей реакционностью, мистицизмом, бессодержательностью, которая так или иначе не носила бы следов влияния кантовской философии, не говоря уже о том, что неокантианство остается основой мировоззрения социал-фашизма в наши дни» [Сараджев 1934, 8–9]. Под последним, согласно И.В. Сталину (1878–1953), понималось сращивание социал-демократов с фашистами в их борьбе против коммунистов: «Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-

демократия есть объективно умеренное крыло фашизма» [Сталин 1947, 282]. Как раз к середине 1930-х гг. выпады в адрес Канта, подобные обвинениям Сараджева, стали звучать все чаще. В учебнике диалектического материализма 1934 г. под редакцией М.Б. Митина (1901–1987) такого рода критика увязывалась также с ошибками Плеханова, который и начал в русском марксизме обсуждение философии Канта: «Если Плеханов стыдливо протягивал палец кантианству, то идеологи современного *социал-фашизма* отдали ему руки и сердце. *Кантианство является главной формой проведения буржуазного влияния на пролетариат по линии философии, оно сделалось официальной философией II Интернационала*» [Диалектический материализм 1934, 70].

По Сараджеву, угроза марксизму исходила от самых разнообразных философских течений Западной Европы, обращающихся к Канту. «Социал-фашист Макс Адлер» пытается соединить Канта и марксизм, «примирить непримиримое, устранить противоречия из действительности, объявить их иллюзорными...» [Сараджев 1934, 88]. Напротив, «поседевший в предательских делах контрреволюционер Каутский в наши дни пытается дешевой похлебкой из кантианского и махистского агностицизма заменить марксизм» [Там же, 89]. К чему приводят подобные фальсификации, видно, согласно Сараджеву, на примере последних событий в Германии: «Социал-фашизм в моральной философии Канта видит источники социализма и пути его осуществления. Каков этот социализм, тому прекрасным образом может служить гитлеровский режим, которому социал-фашизм проложил путь. Неокантианство социал-фашизма послужило также обоснованием для пропаганды идей о надпартийной, надклассовой теории» [Там же, 91–92].

Однако ревизию и фальсификацию марксизма пытаются осуществить и внутри страны Советов, и это, согласно Сараджеву, прекрасно демонстрирует, «насколько кантианство является лучшей формой проникновения враждебной пролетариату идеологии для его деморализации и дезориентации...» [Там же, 93]. Главная опасность здесь поджидает со стороны меньшинствующего идеализма, представителями которой Сараджев объявляет «деборинскую школу», включая в нее и В.Ф. Асмуса (1894–1975), автора работы «Диалектика Канта» [Асмус 1929]¹¹. Негодование Сараджева вызывают попытки «деборинцев» включить Канта в «возрожденную гегельянщину», считая таковой трансцендентальный идеализм в качестве составной части диалектического материализма.

Учитывая такие всеобъемлющие обвинения кантовской философии, каковая оказывается частично повинной даже в «идеологии потухающей классовой борьбы и вращающегося кулака в социализме» [Сараджев 1934, 100–101], впору спросить: в чем тогда может состоять цель публикации столь вредоносного философского произведения Канта, чье учение легло «в основу оппортунизма, ревизионизма и социал-фашизма» и является «одним из основных орудий в руках буржуазии в борьбе против революционного движения пролетариата и тонким орудием фальсификации и опошления марксизма социалистами II Интернационала»? [Там же, 8]. Ответ Сараджева прям и недвусмыслен – врага надо знать в лицо: «Чтобы раскрыть и разоблачить чуждую и враждебную марксизму философию кантианства в его даже наиболее завуалированных и скрытых формах и элементах, “теориях” и теориях, пытающихся ревизовать марксизм-ленинизм, необходимо близкое знакомство с основными произведениями Канта. [...] Такое изучение даст нам необходимое оружие для разоблачения всяческих попыток фальсификации марксизма и для борьбы против поповщины, которой социал-фашисты пытаются затуманить умы рабочих масс» [Там же, 9]. Сараджев ничуть не скрывает, а даже декларирует, что его философская борьба представляет собой в том числе и непримиримую политическую борьбу: «Разоблачение контрреволюционной роли кантианства в наши дни есть одна из форм разрешения задачи самой непримиримой большевистской борьбы за чистоту революционной теории против попыток буржуазного извращения марксизма-ленинизма, откуда бы они ни исходили» [Там же, 101].

Издание кантовских «Пролегоменов» 1934 г. заметно выделялось на фоне иных публикаций немецких идеалистов издательства «Соцэргиз» в этой же серии. Так, в аннотации к изданию «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга лишь указывалось

на роль, которую «молодой Шеллинг сыграл в истории идеалистической диалектики как предшественник философии Гегеля» [Шеллинг 1936, IV]. Во вступительной же статье И.М. Широкова (1899–1984) не содержалось никаких политических выводов, а всего лишь говорилось: «Современная буржуазная философия восприняла худшее в идейной мистике позднего Шеллинга. Шеллинг – прогрессивный буржуазный мыслитель, Шеллинг – автор “Системы трансцендентального идеализма” – входит в культурное наследие прошлого, которым критически овладевает рабочий класс» [Широков 1936, XIX]. Чуть более полемически заострено издание «О назначении ученого» Фихте, но и оно вполне вписывается в рамки приличий. «Данная работа заслуживает внимания в том отношении, что она дает образ мыслей Фихте как идеолога немецкой буржуазии на определенной исторической ступени ее развития», – гласит аннотация издательства на суперобложке. И хотя автор вступительной статьи В.Г. Вандек (1893–1938) критикует Асмуса за несогласие с оценками идеализма Фихте со стороны Ленина [Вандек 1935, 23]¹², а также «механистку Аксельрод (Ортодокс)» за игнорирование противоречий у Фихте [Там же, 28], явных следов политической борьбы и полемики в статье не обнаруживается. Она традиционно заканчивается констатацией того, что реакционная буржуазия современной эпохи не в состоянии развивать науку помимо средств уничтожения и не является наследницей философии и науки прошлого, опустившись до «религиозного кликушества»: «Только пролетариат берет действительность как она есть, верно понимает и преобразует ее; поэтому наука пролетариата является единственно верной и правильной. Используя все ценные элементы предшествующей культуры и двигая их вперед, пролетариат является законным преемником всего истинно научного наследства человечества» [Там же, 50].

Показе это беглое сопоставление с публикациями сочинений Фихте и Шеллинга показывает, что кантовская философия в гораздо большей степени была погружена во внутривнутриполитическую борьбу – как партийную, так и философскую. Во многом это объяснялось влиянием неокантианства на те течения западноевропейской социал-демократии того времени, которые в партии большевиков рассматривались в качестве злейших врагов. В силу этого вопросы кантовской философии не казались антикварными историко-философскими проблемами, а невольно приобретали оттенок острейшей политической борьбы. Не прошло и трех лет, как в Москве было напечатано второе издание кантовских «Пролегоменов». Оно было сдано в производство в конце января 1937 г. Если верить свидетельству Фейхтвангера, первое издание было сразу же раскуплено, и вполне понятно желание издательства выпустить книгу вторым изданием в 10 тысяч экземпляров. Однако книга претерпела огромные изменения, которые не объяснить необходимостью «удовлетворить огромный интерес к произведениям классиков философии со стороны все новых и новых кругов советских читателей» [От издательства 1937, 2]. Из второго издания полностью пропала обширная вступительная статья Сараджева, а вместо нее появилась лишь лапидарная двухстраничная анонимная заметка «От издательства», написанная, вероятнее всего, редактором издания М.Т. Иовчуком (1908–1990). Первое разительное отличие по сравнению с Сараджевым состоит в том, что Кант объявляется здесь в стиле «деборинской школы» родоначальником «немецкой классической философии, которая представляет собой один из теоретических источников марксизма» [Там же, 1]. Второе отличие состоит в указании тех причин, ради чего в СССР стоит читать философские произведения Канта, и это вовсе не знакомство с врагом: «Трудящиеся страны победившего социализма и международный пролетариат являются единственными законными наследниками всей мировой культуры и немецкой классической философии в частности, в то время как в Германии, на родине классической философии, фашистские мракобесы сжигают на кострах бессмертные труды классиков мировой культуры» [Там же, 2]. Каким именно образом рабочие могут воспользоваться философскими сочинениями Канта, можно узнать из написанной годом ранее статьи Г.К. Баммеля (1900–1939): «Пролетариат может гордиться тем, что, несмотря на мещанскую ограниченность и тупость прусской монархии, наложивших сильную печать на философию Канта, Фихте и Гегеля, в их философских

системах были сформулированы идеи, прогрессивные для своего времени, отражавшие на немецкой почве идеологию Великой французской революции, европейских буржуазных революций» [Баммель 1936, 242]. Но при всей смысловой близости этой аннотации к тезисам деборницев, которые на тот момент уже давно были разгромлены, одно их ключевое положение в ней явно не проговаривалось, а именно роль Канта в развитии диалектики. Подобное предисловие вызвало критику Е.П. Ситковского (1900–1989), поскольку «ничего не говорит об отношении Канта к основному вопросу философии. В предисловии о Канте говорится только как о “родоначальнике немецкой классической философии”. Следовало бы привести известную ленинскую характеристику Канта из “Материализма и эмпириокритицизма”» [Ситковский 1938, 175].

Чем же объясняются такие радикальные перемены, и почему из второго издания вдруг исчезло предисловие Сараджева? Ведший непримиримую большевистскую борьбу, на тот момент уже профессор Института красной профессуры в Киеве Сараджев в декабре 1936 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и совершении терактов, а в марте 1937 г. осужден и расстрелян. Именно этим объясняется и спешка со вторым изданием кантовских «Пролегоменов», и изменения во вступительной статье. Заместитель директора Института Философии и главный редактор журнала «Под знаменем марксизма» Митин, признав на заседании работников Института Философии в мае 1937 г., что «под маркой Института» вышли работы со статьями заклятых врагов, включая и «Пролегомены» Канта, вопрошал: «...Каким образом оказалось возможным, что мы проглядели довольно развернутую работу этих людей, которые распинались, как будто бы выступали за линию партии как самые настоящие ортодоксы на философском фронте и вместе с тем являлись участниками троцкистской террористической организации»? [Вещь в себе 2009, 149].

На этом фоне уже заявленное издание докритических сочинений Канта оказалось под большим вопросом. Еще на суперобложке «О назначении ученого» Фихте в 1935 г. значилось: «Подготавливаются к сдаче в производство: *Кант. Докритические работы. Т. II*». В октябре 1936 г. указанный том действительно был сдан в набор. Подписан же в печать он был лишь в феврале 1940 г. [Кант 1940, 528], уже после начала Второй мировой войны и за год с небольшим до начала Великой Отечественной войны. Что происходило в течение почти трех лет все в том же издательстве «Соцэкгиз», выпустившем ранее два издания кантовских «Пролегоменов», можно только догадываться. Вероятнее всего, издательство внимательно следило за перипетиями развития ситуации с «Пролегоменами» и за политической ситуацией в стране в целом, решившись на публикацию только в 1940 г., когда на русском языке уже было опубликовано 10 томов из собрания сочинений Гегеля. Поскольку первый том этого двухтомного собрания сочинений Канта так никогда и не вышел в свет, а сразу был издан под грифом АН СССР тиражом в 10 тысяч экземпляров второй том, ничего нельзя сказать о том, каким образом редактор, переводчик и издательство обосновывали необходимость и актуальность сочинений кенигсбергского мыслителя на русском языке в 1940 г. Можно было бы предположить, что анонсированная во втором томе вводная ко всему изданию статья Сливкера, планировавшаяся в первом томе, оказалась бы вариацией его журнальной статьи о докритическом Канте, опубликованной еще в 1933 г. Но в этой статье наряду с выпадами в адрес неокантианцев и махистов, которые «вместе с загнивающей буржуазией и реакционным социал-фашизмом десятки лет “очищали” кантовскую философию от материализма», главное острое критики направлено все же на «извращение исторической перспективы в изучении “диалектики у Канта”» со стороны «меньшинствующих идеалистов» [Сливкер 1933, 180] Деборина и Асмуса, а поэтому созвучна многим пассажирам Сараджева. Вряд ли подобные обвинения соответствовали реалиям начала 1940-х гг. По крайней мере, ничего подобного нельзя обнаружить в двух статьях Сливкера 1939–1940 гг., хотя по ним и трудно составить себе впечатление о взгляде на философию Канта. Она, как и философия Гегеля, выступает здесь одной из составных частей будущего марксизма. Новации же состоят главным образом в появившихся цитатах из работ Сталина, в том числе цитируемых по книге Л.П. Берии [Сливкер 1940, 25, 28]¹⁵.

В любом случае, настроения 1940 г. по отношению к немецкой классической философии хорошо отражает работа Г.Ф. Александрова (1908–1961) «Философские предшественники марксизма»: «Только марксизм-ленинизм – достойный преемник всего положительного, что создано человечеством за многие века его развития, – в состоянии правильно оценить историю культуры, науки, философии. Эта особенность марксизма ярко проявилась в исторической оценке Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным всей прошлой науки и философии» [Александров 1940, 8]¹⁴. Однако уже летом 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, такие оценки перестали удовлетворять, и стала ощущаться потребность в выработке нового отношения и к философии Канта, и к философии немецкого идеализма, а сама немецкая философия, как это уже было ранее и во время Первой мировой войны, стала предметом ожесточенной политической и философской полемики.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ В Германии уже в нашем столетии также осуществлялись сравнения вовлеченности в войну немецких философов в Первую и Вторую мировую войну [Hoeres 2002, 471–495].

² К. Бедекер – немецкий издатель, специализировавшийся на выпуске путеводителей. Ныне его имя почти стало нарицательным для обозначения путеводителя.

³ В 1914 г. это воззвание в переработанном виде вновь будет опубликовано.

⁴ «...я вообще закончил их [последних частей “Феноменологии духа”] редакцию в полночь перед сражением при Иене», – пишет Гегель Шеллингу [Гегель 1971б, 271. Перевод исправлен по оригиналу: Hegel 1887, 102]. Если К. Розенкранц заявляет по поводу этого пассажа Гегеля, что он «не является неправильным» [Rosenkranz 1844, 228], то К. Фишер прямо говорит: «...это часто повторяемое указание следует считать не только напыщенным, но и ложным. Настолько театральна эта фраза, настолько же непредставим этот факт» [Фишер 1902, 74].

⁵ См.: <https://erster-weltkrieg.dnb.de/WKI/Content/DE/Themen/Medienwelt/medienwelt-ehrenpromotionen.html> (дата обращения: 31.01.2020).

⁶ Частичный латинский текст, а также два варианта немецкого перевода – частичного и полного – см.: [Lerche 1916, 4; Fischer-Graudenz 1915, 102].

⁷ Впрочем, в эмигрантской литературе мы находим и иные примеры [Алданов 1990, 105].

⁸ «Мы ведь знаем, что этот философ свои мысли, в той степени в какой они вообще годны, украл у нас, варваров, чтобы после дополнительного украшательства их мишурой своих фраз выдать за собственное изобретение» [Wundt 1914/1915, 125].

⁹ Еще в 1938 г. Ситковский с возмущением писал: «Не только откровенные кантианцы: Э. Бернштейн, Форлендер, М. Адлер, но даже и такие противники кантианства, как Плеханов, пытались при помощи Канта и кантовской этики притупить революционное острие марксизма, подставить для оправдания своего социал-патриотизма во время империалистической войны насквозь буржуазную и антисоциалистическую этику Канта» [Ситковский, 1938, 162].

¹⁰ Этот пассаж с гордостью цитируется в рецензии на второе издание «Пролегоменов» как опровержение «буржуазных клеветников», распространяющих слухи, будто в СССР кантовские произведения запрещены и не издаются [Ситковский 1938, 162].

¹¹ См. также его статью в поддержку Деборина и «диалектиков», направленную против Аксельрод: если к последней Асмус гиперкритичен, то у первого он вообще видит исключительно достоинства [Асмус 1928, 36–63].

¹² Асмус ответил резко отрицательной рецензией на это издание [Асмус 1937, 193–199].

¹³ Канту здесь посвящена только одна страница [Сливкер 1940, 27–28]. В предыдущей статье ссылок на Сталина еще нет [Сливкер 1939, 147–166].

¹⁴ См. также пометки Сталина на этой книге (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Дело 1) в электронном виде: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=10397>

Источники и переводы – Primary Sources in Russian

Texts of Russian and Soviet authors written between 1880 and 1937, published between 1897 and 2013 on the theme “Kant and German militarism before and during the First World War”; Kant, Hegel, Schelling, Fichte, Marx, Engels Works in Russian Translation.

- Аксельрод 1925 – *Аксельрод (Ортодокс) Л.И.* Простые законы нравственности и права // Марксизм и этика. Сборник статей / Под ред. Я.С. Розанова. Киев: Государственное изд-во Украины, 1925. С. 219–231.
- Аксельрод 2013а – *Аксельрод (Ортодокс) Л.И.* Беспросветная путаница, или диалектика назиданку // *Аксельрод (Ортодокс) Л.И.* В защиту диалектического материализма. Против схоластики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 98–207.
- Аксельрод 2013б – *Аксельрод (Ортодокс) Л.И.* Ответ на «Наши разногласия» А. Деборина // *Аксельрод (Ортодокс) Л.И.* В защиту диалектического материализма. Против схоластики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 61–97.
- Алданов 1990 – *Алданов М.А.* Ключ // *Алданов М.А.* Ключ: Роман. Астролог: рассказ. М.: Художественная литература, 1990. С. 16–317.
- Александров 1940 – *Александров Г.Ф.* Философские предшественники марксизма. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.
- Андреев 1995а – *Андреев Л.Н.* Король, закон и свобода // *Андреев Л.Н.* Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 135–177.
- Андреев 1995б – *Андреев Л.Н.* Ночной разговор // *Андреев Л.Н.* Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 49–75.
- Асмус 1928 – *Асмус В.Ф.* Л.И. Аксельрод и философия // Под знаменем марксизма. 1928. № 9–10. С. 36–65.
- Асмус 1929 – *Асмус В.Ф.* Диалектика Канта. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929.
- Асмус 1937 – *Асмус В.Ф.* Фихте. О назначении ученого. Соцэкгиз, 1935 // Под знаменем марксизма. 1937. № 6. С. 193–199.
- Баммель 1936 – *Баммель Г. К.* О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. Сборник статей / Под ред. И.Н. Дворкина, А.М. Деборина, М.Д. Каммари М.Б. Митина, М.А. Савельева. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. С. 216–264.
- Белый 1923 – *Белый А.* Воспоминания о Блоке // Эпопея. Литературный сборник. 1923. № 4. С. 61–305.
- Бердяев 1989 – *Бердяев Н.А.* Философия свободы // *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 12–250.
- Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Религия германизма // *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. С. 167–174.
- Бердяев 2004 – *Бердяев Н.А.* Эпигонам славянофильства // *Бердяев Н.А.* Мутные лики. М.: Канон+, 2004. С. 70–77.
- Боричевский 1923 – *Боричевский И.А.* Идеалистическая легенда о Канте // Вестник социалистической академии. 1923. № 4. С. 285–308.
- Буренин 1897 – *Буренин В.П.* Голос патриота // Былое. Стихотворения 1861–1877. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897. С. 215–216.
- Вандек 1935 – *Вандек В.Г.* Вступительная статья // *Фихте И.Г.* О назначении ученого / Пер. под ред. и со вступительной статьей В.Г. Вандека. Б. м.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1935. С. 5–50.
- Введенский 1993 – *Введенский А.И.* Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник) // *Введенский А.И.* Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Гилея, 1993. С. 196–212.
- Вещь в себе 2009 – «Вещь в себе на Волхонке, 14» (Из стенограммы заседания общего собрания штатных работников и договорников Института Философии АН СССР 17 мая 1937 г.) // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 147–159.
- Воротынкин 1917 – Элементы чистого разума (Критика КАНТ'овской логики). К вопросу об освобождении русской мысли от немецко-мозгового затылья. Серия I. С 25 схемами в приложении. Посмертное произведение прапорщика Ф. *Воротынкина*. Опыт концентрирования человеческой мысли в обстановке, близкой к жизни первобытного человека. Письма из окопов. 500 рублей тому, кто первым докажет на публичном диспуте в одном из высших учебных заведений в России, что выработанные автором схемы для изучения законов человеческого мышления заимствованы у кого-либо из прежних философов, живших как до, так и после Р. Х. Луцк: 6. и., 1917.
- Гегель 1971а – *Гегель Г.В.Ф.* Афоризмы. Йенский период // *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 530–556.
- Гегель 1971б – *Гегель Г.В.Ф.* Письмо к Ф. Шеллингу от 1 мая 1807 г. // *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 270–272.
- Давыдов 1841 – *Давыдов И.И.* Возможна ли у нас Германская философия? // Московитянин. М., 1841. Ч. II. № 3–4. С. 385–401.
- Деборин 1911 – *Деборин А.М.* Владимир Эрн. Борьба за Логос. Опыты философские и критические. М., 1911 // Современный мир. 1911. № 12. С. 369–370.

Деборин 1924 – *Деборин А.М.* Легкомысленный критик (Ответ на письмо Боричевского «Идеалистическая легенда о Канте») // Вестник коммунистической академии. 1924. № 7. С. 255–272.

Деборин 1925а – *Деборин А.М.* Об этике Мандевилля и «социализме» Канта // Марксизм и этика. Сборник статей / Под ред. Я.С. Розанова. Киев: Государственное изд-во Украины, ²1925. С. 428–435.

Деборин 1925б – *Деборин А.М.* Предисловие // *Деборин А.М.* Книга для чтения по истории философии. Т. 2. М.: Новая Москва, 1925. С. 3–4.

Деборин 1925в – *Деборин А.М.* Примечания [Иммануил Кант] // *Деборин А.М.* Книга для чтения по истории философии. Т. 2. М.: Новая Москва, 1925. С. 646–649.

Деборин 1961 – *Деборин А.М.* Наши разногласия // *Деборин А.М.* Философия и политика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 303–344.

Диалектический материализм 1934 – Диалектический и исторический материализм. В 2 ч. Учебник для комвузов и вузов / Под ред. М.Б. Митина. Ч. 1. М.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1934.

Заяицкий 1928 – *Заяицкий С.С.* Жизнеописание Степана Александровича Лососинова. Трагическое сочинение. М.: Государственное изд-во, 1928.

Кант 1905 – *Кант И.* Вечный мир: Философский очерк / Пер. С.М. Роговина, Б.В. Чредина под ред. Л.А. Камаровского. М. Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905.

Кант 1940 – *Кант И.* Соч. 1747–1777. В 2 т. / Под ред. Б.Ю. Сливкера; пер. Б.А. Фохта. Т. II. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940.

Ленин 1973 – *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, ⁵1973. С. 40–48.

Мартов 1917 – *Мартов Ю.О.* Кант с Гинденбургом, Маркс с Кантом. (Из летописи идейной реакции). Пг.: Социалист, 1917.

Мартов 1925 – *Мартов Ю.О.* Простота хуже воровства // Марксизм и этика. Сборник статей / Под ред. Я.С. Розанова. Киев: Государственное изд-во Украины, ²1925. С. 232–258.

Маяковский 1955а – *Маяковский В.В.* Посвящение // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 1. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955. С. 209–242.

Маяковский 1955б – *Маяковский В.В.* Россия. Искусство. Мы // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 1. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955. С. 318–320.

От издательства 1937 – От издательства // *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, ²1937. С. 2–3.

Петров 1898 – *Петров Г.С.* Евангелие, как основа жизни. СПб.: Типография «Артиллерийского журнала», ²1898.

Плеханов 1914 – *Плеханов Г.В.* О войне. Ответ товарищу З.[ахарию] П.[етрову]. Париж: Union, 1914.

Плеханов 1925 – *Плеханов Г.В.* Еще о войне // Марксизм и этика. Сборник статей / Под ред. Я.С. Розанова. Киев: Государственное изд-во Украины, ²1925. С. 207–210.

Продан 1914 – *Продан И.С.* Правда о Канте. (Тайна его успеха). Харьков: Епархиальная типография, 1914.

Рубинштейн 1915 – *Рубинштейн М.М.* Виноват ли Кант? // Русские ведомости. 1915. 11 февраля. № 33. С. 5.

Сараджев 1934 – *Сараджев А.Х.* О «критическом» методе Канта // *Кант И.* Прологомены / Под ред. А.Х. Сараджева. М.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. С. 5–101.

Ситковский 1938 – *Ситковский Е.П.* Иммануил Кант «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки». 2-е изд. Соцэкгиз. М. 1937 // Под знаменем марксизма. 1938. № 3. С. 162–175.

Сливкер 1933 – *Сливкер Б.Ю.* «Докритический» Кант // Под знаменем марксизма. 1933. № 4. С. 179–214.

Сливкер 1939 – *Сливкер Б.Ю.* Философия Канта и Гегеля // Под знаменем марксизма. 1939. № 6. С. 147–166.

Сливкер 1940 – *Сливкер Б.Ю.* Немецкая классическая философия // Молодой большевик. 1940. № 3. С. 25–35.

Соколов 1904 – *Соколов Н.М.* Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1904.

Тихомиров 1899 – *Тихомиров П.В.* Вечный мир в философском проекте Канта. (По поводу международной мирной конференции) // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1899. № 3. С. 402–434. № 4. С. 577–601.

Федоров 1982а – *Федоров Н.Ф.* Иго Канта // *Федоров Н.Ф.* Соч. М.: Мысль, 1982. С. 535–538.

- Федоров 1982б – Федоров Н.Ф. Кантизм как сущность германизма // Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 539.
- Федоров 1995 – Федоров Н.Ф. Разоружение // Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. II. М.: Прогресс, 1995. С. 267–276.
- Фейхтвангер 1937 – Фейхтвангер Л. Москва. 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1937.
- Флоренский 2007 – Флоренский П.А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 20–44.
- Хлебников 2005 – Хлебников В.В. [Воззвание к славянам] // Хлебников В.В. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. Р.В. Дуганова. Т. 6. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 197–198.
- Цехновицер 1938 – Цехновицер О.В. Литература и мировая война 1914–1918. М.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1938.
- Чёрный 1996 – Чёрный С. Исторический день // Чёрный С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1996. С. 130–131.
- Шеллинг 1936 – Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма / Пер. И.Я. Колубовского. Л.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1936.
- Широков 1936 – Широков И. М. Шеллинг и его «Система трансцендентального идеализма» // Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма. Л.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1936. С. V–XIX.
- Шулятиков 1908 – Шулятиков В.М. Оправдание капитализма в западноевропейской философии (От Декарта до Э. Маха). М.: Типолитография «Русского товарищества» печатного и издательского дела, 1908.
- Энгельс 1961 – Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. С. 312–323.
- Эрн 1914 – Эрн В.Ф. От Канта к Круппу // Русская мысль. СПб., 1914. № 12. С. 116–124.
- Эрн 1991а – Эрн В.Ф. От Канта к Круппу // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 308–318.
- Эрн 1991б – Эрн В.Ф. Сущность немецкого феноменализма // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 319–328.

Источники на немецком, английском и французском языках – Primary Sources

- Anonym (1899) ‘Kants Schrift: Zum ewigen Frieden und der Russische Abrüstungsvorschlag’, *Kant-Studien*, Bd. 3, pp. 256–258.
- Bois, Henri (1916) *Kant et l’Allemagne*, Librairie protestante, Paris.
- Daudet, Léon (1915) *Contre l’esprit allemand de Kant à Krupp*, Bloud et Gay, Paris.
- Engels, Friedrich (1973) ‘Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft [Vorwort zur ersten Auflage]’, Marx Karl, Engels Friedrich, *Werke*, Bd. 19, Dietz Verlag, Berlin, pp. 186–188.
- Ernennung (1914) ‘Ernennung des Gustav Krupp von Bohlen und Halbach, des Prof. Friedrich Rausenberger und des Reichsbankpräsidenten Rudolf Havenstein zu Ehrendoktoren in der Philosophischen Fakultät Fakultät der Universität Bonn, 1914’, *Geheimes Staatsarchiv – Preußischer Kulturbesitz*, I. HA Rep. 89. 09.03.03.02 Bonn.
- Fischer-Graudenz, Paul (1915) *Bei Tannenberg 1914 und 1410: die Schlacht bei Tannenberg-Grünfelde am 15. Juli 1410, die Schlachten bei Gilgenburg-Hohenstein-Ortelsburg (Schlacht bei Tannenberg) 27., 28., 29. August 1914; mit Lebensgeschichte des Generalfeldmarschalls von Hindenburg, zahlreichen Bildern und Karten vom östl. Kriegsfeld*, Oskar Eulitz Verlag, Lissa i.P.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (1887) *Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten*, Bd. 19, Tl. 1, Duncker und Humblot, Berlin.
- Lerche, Otto (1916) ‘Die Diplome der Kriegsehrendoktoren’, *Akademische Monatsblätter*, Mittwoch, den 25. Oktober 1916, Nr. 1, pp. 3–6.
- Stein, Ludwig (1898) ‘Kant und der Zar’, *Die Zukunft*, Bd. 25, pp. 106–112.
- Vaihinger, Hans (1900) ‘Eine französische Kontroverse über Kants Ansicht vom Kriege. Auch ein Wort zur Friedenskonferenz’, *Kant-Studien*, Bd. 4, p. 60.
- Wundt, Wilhelm (1914/1915) ‘England und der Krieg’, *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik*, Bd. 9, pp. 121–128.

Ссылки – References in Russian

- Друскин 2000 – Друскин Я.С. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 1 / Сост. В.Н. Сажин. М.: Ладомир, 2000. С. 323–415.
- Фишер 1902 – Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. СПб.: Д.Е. Жуковский, 1902.

References

- Druskin, Yakov S. (2000), “Star of nonsense”, “...A gathering of friends left by fate”, Vol. 1, ed. by Valeriy N. Sazhin, Ladomir, Moscow, pp. 323–415.
- Fischer, Kuno (1901) *Hegels Leben, Werke und Lehre*, Carl Winters’s Universitätsbuchhandlung, Heidelberg (Russian translation 1902).
- Hoeres, Peter (2002) ‘Ein dreißigjähriger Krieg der deutschen Philosophie? Kriegsdeutungen im Ersten und im Zweiten Weltkrieg’, *Erster Krieg. Zweiter Krieg. Ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland. Im Auftrag Militärgeschichtliches Forschungsamtes hrsg. von Bruno Thoß, Hans-Erich Volkmann, Ferdinand Schöningh, Paderborn*, pp. 471–495.
- Krouglov, Alexei N. (2018a) ‘Der Streit der russischen Marxisten um Kants Ethik’, *Studies in East European Thought*, Vol. 70 (2018), pp. 249–261.
- Rosenkranz, Karl (1844) *Georg Wilhelm Friedrich Hegel’s Leben. Supplement zu Hegel’s Werken*. Duncker und Humblot, Berlin.
- Tiltzki, Christian (2012) *Die Albertus-Universität Königsberg. Ihre Geschichte von der Reichsgründung bis zum Untergang der Provinz Ostpreußens (1871–1945)*, Bd. 1, Akademie Verlag, Berlin.

Сведения об авторе

КРУГЛОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета РГГУ.

Author’s Information

KROUGLOV Alexei N. – DSc in philosophy, professor, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities.